

*События
и судьбы-3*

Валерий Бердников
События и судьбы 3

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Бердников В. Н.

События и судьбы 3 / В. Н. Бердников — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Книга «События и судьбы 3» является продолжением одноименных первой и второй книг о жизни вятчан, разделивших судьбы народов России во второй половине XX века.

71. Перед грозой

*Спасибо скромный русский огонек...
За то, что с доброй верою дружба,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа...
(Н. Рубцов)*

Чемельские мужики группами неспешно возвращались с покоса. Ранним утром была роса, свежо и поработалось хорошо. Неся косы на плечах, они медленно брели домой уставшие, но довольные выполненной работой, изредка перебрасываясь немудреными шутками. Ясное небо и яркое солнце предвещали знойный день. Из-за поворота с Опаринской дороги их обогнала справная новая телега, запряженная статным трехлетним жеребчиком. В телеге сидел мужик средних лет с окладистой бородой в белой распахнутой косоворотке и летнем картузе. Косарям мужик показался незнакомым, но спроезжающим каждый приветливо здоровался.

Подвода, въехав в село, направилась к дому отца Леонида. «Тр...р!» – остановил возница коня и обратился к девочке, играющей у ворот на куче песка, – Здравствуй Люша! Дома ли тятя?»

– Нет дома, – ответила девочка, он в ограде косит траву, а маманя дома. Потом вдруг удивившись и испугавшись незнакомого бородатого дядьки, убежала в дом. На крыльце появилась хозяйка. Узнав приезжего, она, всплеснув руками, радостно воскликнула:

«Кузьма! Вот радость неожиданная». Потом засутилась, открывая ворота и, когда подвода въехала во двор, и возница легко спрыгнул с телеги, троекратно расцеловалась с приезжим. Он приходился ей свояком и жил с ее сестрой большой семьей в Опарино в сотне километров от Красного и изредка с женой навещал родню, доставляя в дом шумное веселье, сладости и подарки детям. У него была большая пасека и хозяйство. Официально он числился лесником. На этот раз он приехал один и был заметно чем-то озабочен.

Вслед за матерью из дома вышли дети: старшая дочь – Геля, сын Александр и маленькая Лена. Радостно поздоровались.

– Расцвела, красавица, небось, женихи кругом жужжат.

– Ну Вы скажете, дядя Кузьма, – засмутилась Геля.

– Принимай, Сашок, подарочек. Осилишь? – Кузьма достал с телеги кадушку с медом.

– Не урони, тяжелая, небось, – предупредила мать.

– Ну а это, я сам снесу, – сказал Кузьма и достал из телеги четверть «медовухи».

– Дядя Кузьма, коня-то распрягать? спросил вернувшийся из дома Александр.

– А сможешь?

– А то!

– Только сразу не пои и не корми. Дай постоять в тенечке. Кузьма был вологжаниным и говорил неторопливо, налягая на «о».

– Привет лепошка! – погладил по головке малышку Лену.

– Я не лепошка, а Ленишка, – обиделась та и расплакалась.

– Ну, ну не сердись, на-ко тебе куклу Машу и петушка на палочке, – улыбнулся Кузьма и дал девочке яркую тряпичную куклу и конфету-леденец. Ребенок рассмеялся.

Люша, тем временем, уже сбегала за дом в конец огорода и сообщила отцу о приезде бородатого дядьки. Отец Леонид, уже закончил косить и обтерев косу травой, поспешил в дом. Встретившись, свояки обнялись и трижды расцеловались.

– Как жив, здоров, как доехал?

– Слава богу, хорошо. И доехал легко по холодку.

– Ну и славно, как раз к обеду успел.

После взаимных расспросов и рассказов о своей жизни и бытовых новостях, сытного обеда, мать убрала со стола все, кроме бутылки с «медовухой», двух стаканов и тарелки с рыжиками. Вымыв с Гелей посуду, оставили мужчин одних. Мать пошла на задний двор, ухаживать за скотиной, а Гелю отправила в лес за черникой для пирога. Малые девочки, забрались на полаты и недолго пошутукав, уснули, сладко посапывая. Саша, воспользовавшись моментом занятости отца, улизнул с приятелем на речку Малому – купаться.

Оставшись одни, Кузьма сказал:

– Плохие вести я привез тебе, Леонид. Очень плохие, ты уж прости: из центра пришло распоряжение – изымать весь хлеб.

– Да ведь все же сдали, оставили на прожить, да на сев.

– Весь, Леонид, весь! Выгребают все подчистую, такая политика. Рабочие, слышь голодают, а деревня себя прокормит. Круто взялись. Особенно люрует наш местный – Ивашка Конев со своим продотрядом красноармейцев. За противодействие – расстрел. Скажи тайно местным многосемейным крестьянам, чтоб поберегли часть хлеба, а то весной голода не миновать.

Церковь с. Красное

*Служители Красносельской (Чемельской) церкви,
построенной в честь победы в Отечественной войне 1812 года.*

В центре священник Л.И. Шергин

– Да как же тайно? Наши местные «красные» активисты уж давно пронюхали у кого какие запасы и будут рады пособить советской власти. Ты не заметил: возле дома уже крутится один тип, выпрашивал у детей и у матери, кто приехал и зачем. Ладно. А что еще?

– Другая новость еще хуже. Страшно... Язык не поворачивается говорить.

– Говори, чего уж.

– Закрывают церкви, арестовывают служителей, разоряют их семьи...

– За что!?

– Не за что! Беззаконно. Властям церковь мешает строить новую жизнь с их новой идеологией и мировоззрением. Вот и вырубают под корень религию по всей стране. Может быть тебе уехать куда-нибудь, жену, детишек спасти. Авось образумятся, вернется все на круги своя, тогда и вернетесь.

Помолчали, выпили по стакану.

– Да куда-же уедешь? Сам говоришь – по всей России так. Нас шестеро и трех стариков – родителей не бросишь. Нет выхода. Будем молить бога. Прости их бог – не ведают что творят.

После вечерней службы отец Леонид и Кузьма молчали весь вечер. Мать сердцем чувствовала, что случилось что-то страшное, но не спрашивала, а молча истово месила тесто для пирогов. Потом долго поливала огурцы в огороде.

Ночью Леонид не спал, часто вздыхал, ворочался и слышал, как мать возилась у печи. Изба наполнилась чудесным запахом свежеиспеченных пирогов. Мать лишь в три ночи легла вздремнуть. Он слышал, как Люша, тихо встав из своей кровати и пописав в свой горшок, стащила со стола пирожок и жуя его по привычке забралась в кровать отца, куда положили спать гостя. Кузьма лежал лицом к стенке.

– Тять, а тять, – термшила она его за плечо – где мужик-от спит?

– Там на полатах, спи дочка, – тихо сказал Кузьма.

Люша, услышав незнакомый голос, стремглав вскочила, скатилась с кровати и убежала к себе. Этот ночной эпизод немного позабавил отца, но сон так и не пришел.

Ранним утром, выпив кружку молока и съев кусок своего любимого черничного пирога, Кузьма пошел запрягать жеребца. Мать уложила в телегу воду и снедь в дорогу, да пирожков, испеченных ночью. Попрощались. Дети еще спали. Леонид провожал гостя до поворотки на Опаринскую дорогу. Расставаясь, крепко обнялись и так долго стояли, каждый думая: свидимся ли еще.

– Пора, Кузьма, поезжай. Видишь, тучи сгущаются. Пospешай.

Кузьма сел в телегу и стегнул жеребчика. Отец Леонид благословил его в дорогу большим крестом, потом подождав, когда подвода скрылась в лесной дороге, побрел в село. На горизонте чернели тучи, мелькали сполохи молний и погромливало. Надвигалась гроза.

Арест.

Геля хорошо помнила те страшные дни. Внешне все случилось обыденно просто: власть готовилась к этому событию, знали о предстоящих репрессиях и обреченные. Поэтому двух детей родители успели отослать к родственникам, но старики, Геля с младшей сестрой были еще при них. Мать, увидев в окно приехавших военных из города, достала, уложенный заранее узелок с одеждой и продуктами и беспомощно опустив руки, села на скамью ждать.

Двое солдат в длинных шинелях и, остроконечных «буденовках» стали у дверей церкви с винтовками в положении «ноге». Третий – старший в кожаной куртке и фуражке вошел в церковь и, сняв фуражку, стал ждать. Прихожане крестились и недобро поглядывали на него. Отец Леонид тихо сказал дьякону: «Видимо за мной. Службу закончу». Потом было тихое прощание с церковнослужителями и семьей. Обреченность парализовала и сковывала чувства.

Они остались одни. Была какая-то надежда, что все образуется и отец вернется, ведь он сделал столько много добра селянам, которые даже избирали его председателем сельсовета.

По настоящему стало страшно тогда, когда местные власти стали выселять их из дома. На глазах у селян, молча стоявших у своих домов, мать с детьми, перетащив свои небогатые пожитки, разрешенные чиновниками, к церковной сторожке, оказались без средств к существованию в холодном помещении – там, где ранее оставляли гробы в ожидании обряда отпевания.

Страх душил и волю крестьян, не смевших осуждать «народную рабоче-крестьянскую власть» и селяне молча разошлись по своим домам.

72. Сердце матери

*За все добро расплатимся добром
За всю любовь расплатимся любовью.
(Н. Рубцов)*

В небольшой группе встречающих речной теплоходик из Котласа Александр сразу увидел свою мать, приветливо машущую ему рукой. Мать Александр не видел 17 лет с тех пор, как его 9 летнего мальчишку отослали к дяде в Вологду. Теперь она показалась ему такой маленькой и худенькой в черном ситцевом платье в белый горошек и каких-то больших ботинках, что у него от радости встречи и умиления слезились глаза и подкатил комок к горлу.

Вместе с матерью на пристани стояли его старшая сестра Геля с сыном и беременная сестра Лена рядом со статным красавцем в офицерском кителе, видимо ее мужем. Они приехали на день раньше отозвавшись на зов матери собраться вместе после войны. Не хватало только сестры Люды, которая теперь жила в Украине, недалеко от места, где погиб ее муж Иван.

После радостных объятий и поцелуев все отправились в дом тети Лизы. Та давно жила в Сольвычегодске и работала учителем в местной школе для глухонемых. Дом ее считался казенным и принадлежал местной власти, в революцию конфисковавшей его у какого-то купца. Это была большая, но невысокая, почерневшая от времени изба, спрятавшаяся вместе с хозяйственными постройками за ветхим забором в густых зарослях калины. На травке у дома паслась привязанная к колышку свирепого вида могучая коза Манька и бегал ее черный козленок. Во дворе рылись в мусоре несколько кур и по-хозяйски разгуливал кот Васька. В дом его не пускали, кот обитал неизвестно где, но каждый день появлялся у дверей и орал противным басом до тех пор, пока тетя Лиза не наливала в его миску козьего молока.

Благовещенский собор г. Сольвычегодск

Своего дома после репрессии семьи у матери не стало и, по окончании срока ссылки из Сибири, она приехала в Сольвычегодск к своей сестре Лизе. Для получения пенсии ей не хватало 4-х лет трудового стажа, и она, по протекции влиятельной сестры, устроилась работать уборщицей в школе и ночной няней в детском приюте.

Раньше Лиза не одобряла и даже упрекала сестру за то, что она, как кукушка «раскидала» своих детей по родственникам, но та была убеждена в правильности своих действий таким образом спасти детей в лихие годы репрессий и сдержанно, затаив обиду, мучилась этим своим поступком.

Теперь дети наконец-то вместе, живые и здоровые. Душа ее успокоилась.

– Ну вот, слава богу, собрались, – радовалась мать, глядя на своих взрослых детей, внука и зятя, сидящих за большим столом и, помолчав, добавила, – нет с нами нашего незабвенного батюшки Леонида Ивановича. Царствие ему небесное. Погиб на Печорской каторге при строительстве железной дороги. Помянем его душу.

Молча, налили и выпили по стопке водки. Потом ели куриный суп, картошку старого урожая (свежая еще не народилась), пили козье молоко и душистый чай, заваренный из листьев смородины, мяты и малины с маленькими кусочками сахара в прикуску. Сахар от больших кусков рафинада колола щипчиками сама тетя Лиза, сидя во главе стола.

На другой день гости познакомились с городом и посетили два собора. Одна церковь оказалась действующей, и они застали в ней конец службы. Люди выходили из церкви, как-то виновато озираясь, и быстро расходились в разные стороны. Александр с интересом наблюдал за матерью. Годы репрессий не сломили ее характер, но закалили его. Перед храмом она смело, даже демонстративно, троекратно крестилась и кланялась. Второй собор был превращен в краеведческий музей. Высоким шпилем Благовещенский собор напоминал Петропавловский собор в С-Петербурге. В соборе была великолепная экспозиция богатых вещей и картин из хранилищ Строгановых, церковная утварь, а так же казематы и страшные каменные мешки с орудиями пыток.

К музею мать подходила не в виде робкой посетительницы, а по-хозяйски уверенного человека, незаслуженного обиженного властью. Подергав запертую большую железную дверь, она принялась сильно колотить по ней так, что грохот разнесся по всему собору словно от ударов большого колокола. Появившемуся испуганному работнику музея, она выговаривала:

– Вы что, уснули там? Когда должен быть открыт музей? В 10-00, а сейчас 10-15!

Войдя в музей, потребовала экскурсовода, и при осмотре экспозиции, сама кое-где давала пояснения.

На третий день все вместе с тетей Лизой отправились на местное кладбище, поклониться праху бабушки и родственников, которых Александр никогда не видел. Бабушку он помнил плохо, но знал, что у нее было 10 детей, и слышал о ее властном характере, который в полной мере унаследовала Лиза. Кладбище оказалось очень старым и заросшим могучими деревьями, но за могилой матери Лиза следила и ухаживала.

Два последующих дня мужчины крыли рубероидом прохудившуюся местами крышу, поправляли покосившийся забор и исправляли калитку. Женщины хлопотали по хозяйству и готовили пищу. Заготовка продуктов питания и приготовление пищи стали главной заботой сестер. Матери очень хотелось угодить и хорошо угостить детей, пострадавших за годы войны. Скоро приели половину кур и зарезали на холодец козленка. Потом мать решила угостить всех ухой. Сходить на рыбалку мать отрядила Александра с племянником, снабдив их «сухим пайком» на день. Сделав снасти и наковыряв в куче навоза червей и рощенников для наживки, рыбаки отправились к реке. На реке было видно, как ходила и хлопала крупная рыба, создавая на воде круги, и как шарахалась в разные стороны мелкая рыбешка.

Однако у Александра опыта рыбной ловли не было, так как он отдал защите Отечества 7 лет своей молодой жизни, а племянник был «специалистом по ловле ершей» и как ловить большую рыбу тоже не знал. К тому же обнаружилось, что он по дороге растряс в корзине их «сухой паек», перемешав все с наживкой для рыб.

Хлеб пришлось отправить на прикорм рыбам, но как ни старались рыбаки, им на удочки удалось поймать лишь десяток плотвичек. Вечером они понурые и голодные пришли домой.

Мать поворчала на сына и нерадивого внука, но видя, как их рассказ развеселил всех, сама рассмеялась до слез. В довершении смеха, вдруг раздался грохот падающих удилиц и вой kota, который облизывая их, сам попался на крючок. Kota под общий хохот освободили и отдали ему весь улов.

Теплыми тихими летними вечерами Александр с сестрой Леной и племянником босиком гуляли по чистому песку пляжа по берегу Вычегды. Лена шла переваливаясь с боку на бок, как большая утка и изредка пускала ветерки, а чтоб не конфузился племянник весело говорила: «что естественно, то не постыдно».

На следующую ночь Лена благополучно родила здоровую дочку. Это радостное событие еще прибавило приятных забот. Но, как не приятна была общая встреча, и дни проведенные с матерью, пришло время расставаться.

Лена с мужем и новорожденной дочкой Таней уехали в Ленинград, где муж учился в военной академии, а Лена работала врачом в поликлинике. Александр поехал определяться на продолжение учебы, но уже не в ЛИЖДТ, а в Вологодский молочный институт. У Гели кончился отпуск, и она с сыном уехала к себе в Вятку.

Матери долго у сестры не пожилось. Последние годы она жила попеременно у своих детей в разных городах.

73. Красота труда

*От трудов своих мученических будешь
иметь ты печали многия, нов тех же
трудах найдешь великое утешение.
(иконник Митрофан)*

Получив похоронку на мужа в 1943 году, Люся, проревев несколько суток, впала в состояние отчаяния и депрессии. Она приходилась мне тетей и жила в одном доме с нами. Мама, как могла успокаивала сестру, говоря: «Горе наше велико и непоправимо, но если поддаться унынию, можешь сломать жизнь и себе и своему ребенку. Надо найти в себе силы и жить дальше».

Людмила справилась с собой и продолжала учиться в педагогическом институте. Как-то, готовясь к экзамену по литературе, она нашла прекрасную мысль Т. Картеля, которую использовал Л.Н.Толстой в одном из своих трудов:

«В самом низком труде душа человека успокаивается, как только человек берется за работу. Сомнения, печаль, уныние, самоотчаение – все эти бесы караулят человека; но он бодро возьмется за работу и все эти бесы не смеют подойти к нему и только издали ворчат на него. Человек стал человеком».

Следуя этой мудрой мысли, она осенью устроилась в госпиталь работать санитаркой на 2-ю половину дня после учебы. Госпиталь располагался в здании, прежде принадлежавшем школе, и имел печное отопление. В круг ее обязанностей входило мытье полов и отопление палат. Днем она мыла полы, потом колола, таскала дрова и топила несколько печей.

Круглые чурбаки она привозила на подводе с лесопилки, расположенной на другом конце города в большом сарае. Там, за высоким забором, весь день пронзительно визжала циркулярная электрическая пила, распиливая бревна на чурбаки, которые потом развозились по госпиталям.

Чтобы облегчить свой быт, сестры решили: моя мама после работы забирала из яселек племянника и приглядывала вечером за ним дома, а тетя брала меня с собой в госпиталь, так как из детского садика меня уже исключили по возрасту.

Я наблюдал за жизнью госпиталя изнутри, стараясь не мешать, не попадаться на глаза начальству и пособить, если о чем-то просили раненые.

Раненые страдали физически от ран и духовно от своей неспособности к труду и, как только приходило облегчение, вставали и искали себе занятие по силам.

Они знали о горе Люси, жалели ее и всячески старались облегчить ей труд: сами следили за чистотой в палате, когда она мыла полы, предупредительно сдвигали свои тумбочки, щипали лучину для растопки печей и т.п. Сначала одна из печей задымила, тотчас сыскался среди раненых печник, который быстро нашел причину и наладил тягу. Людмила благодарила всех своей милой улыбкой и ободряла ласковым словом, потерявших надежду раненых бойцов.

Особенно трудно давалась ей колка дров. Заметив это, один выздоравливающий солдат вызвался помочь.

В первую очередь он наладил топор: пересадила и прочно закрепил топорище, наточил лезвие топора. Потом соорудил рабочее место для рубки, подобрал для «наковальни», широ-

кий низкий еловый чурбан. И дело пошло. Дрова были в основном осиновые и березовые, реже сосновые и еловые. Я с восхищением и восторгом следил, как он, придерживая одной рукой чурбан, другой с небольшим замахом резко и быстро махал топором, разделяя чурбан на поленья. Тюк – тюк – тюк – отлетали поленья, а я, раскрыв рот, стоял пораженный, как это он по пальцам себе не ударит. Когда попался большой суковатый чурбан, он сначала внимательно изучал его, потом с большого замаха врубал в него топор и, перевернув в воздухе со всей силой, бил обухом по «наковальне» и чурбан со скрипом и скрежетом разделялся на две части, которые он потом ловко разделявал на поленья. Во всех его движениях была поразительная красота. Рубит парень, да похотывает:

– Кому бы на час, а мы, гляди, днем свернем.

Пришла медсестра, ругается:

– Бакулин! ... На перевязку, сколько можно звать ...!

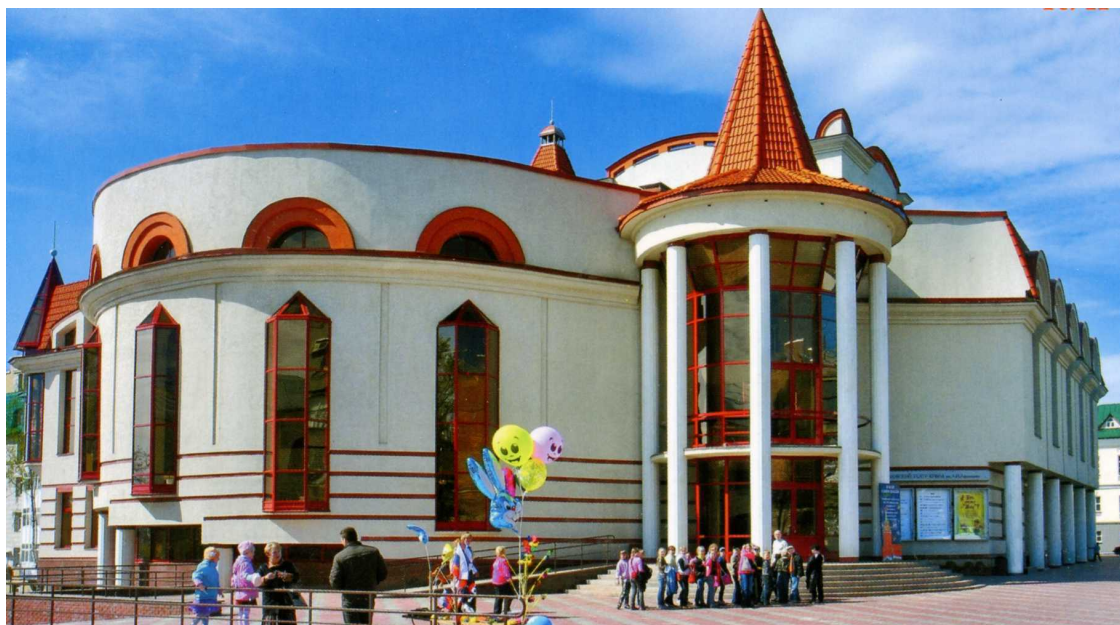
– Слышу, милая, ничего приятнее твоей ругани нету. Век бы слушал. Да у нас делов – то: семеро помогут, так я один смахну!

Выглянул из окна военврач, приказал:

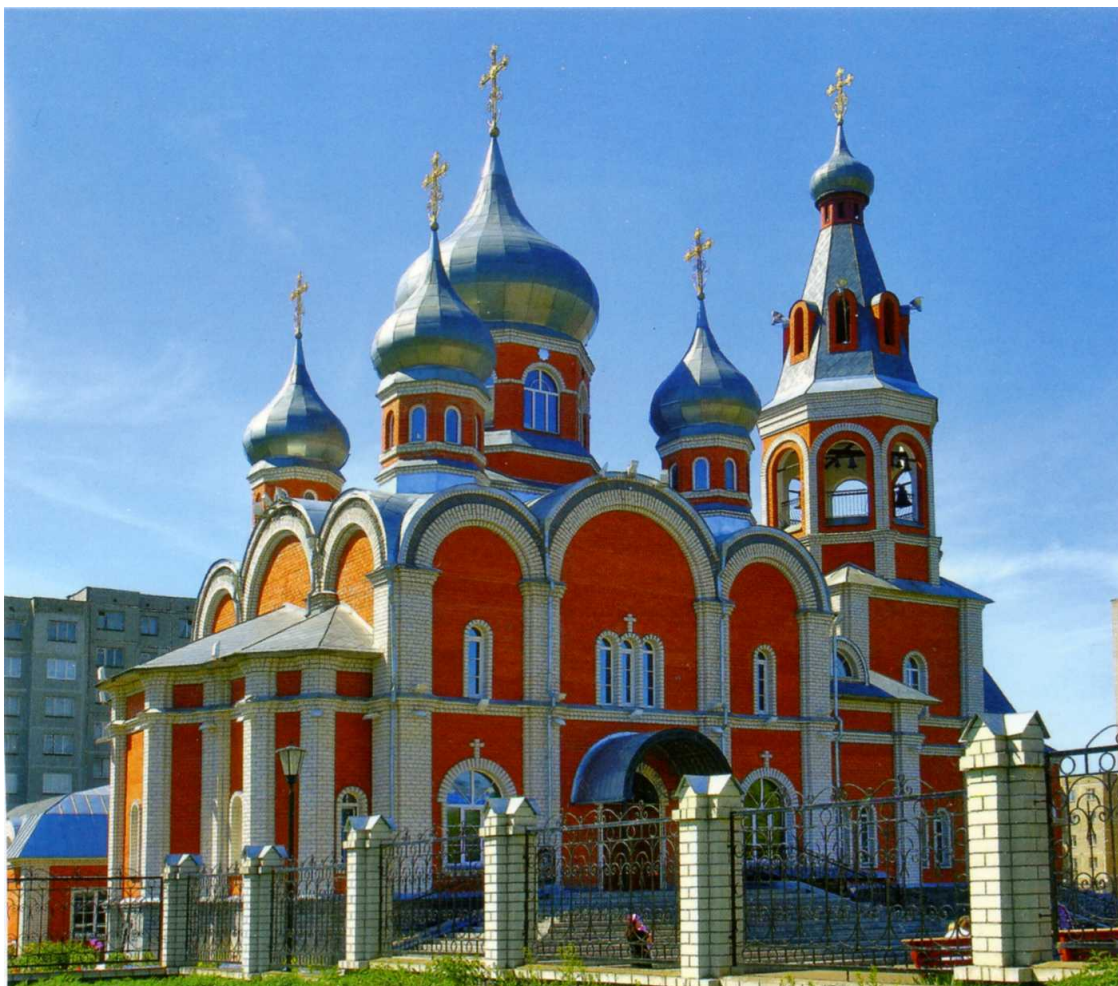
– Хватит, Бакулин, заканчивай. Дорвался, рабочийчек.

Я с гордостью подумал, как ловко могут работать наши мужики. Впоследствии я видел, как той же хваткой при колке дров владел мой сват Николай. В его цепких сильных руках, вроде бы и небольших замахах, поленья из под топора летели, как гильзы из автомата. Какая сила, удаль и трудовая сноровка – засмотришься и залюбуешься! Замечено, что все стороны народного быта проникнуты стремлением к красоте, будь то гончарное ремесло, кружевоплетение или кладка печей, косьба, рубка дров. При этом в ремеслах и приемах работ сохраняется верность народным традициям и трудолюбие.

Точно подметил писатель Василий Белов: «Красоту нельзя было отличить от пользы, пользу – от красоты. Мастер назывался художником, художник – мастером».

Театр кукол им. А.Н. Афанасьева, арх. В.И. Борцов, 2009 г.

Церковь святого великомученика Пантелеймона, 2003 г., арх. К.Г. Павлов.

74. Эпизод войны

*Вот ты вышел спозаранку
Глянул – в пот тебя и дрожь
Прут немецких тыща танков...
А. Твардовский*

В день Победы особенно остро с грустью замечаешь, что участников великой битвы становится все меньше и меньше. Уходят из жизни ветераны и их группа на параде победы заметно уменьшается. Самому молодому солдату войны сейчас 85 лет.

Нет среди нас людей, которых еще недавно повседневно видел, встречал, работал, дышал с ними одним воздухом, чувствовал их теплое рукопожатие. Нет наших героев Советского Союза Мельникова, Титлина, Чемоданова, Шатова, нет родных Александра, Валентина, Ивана; нет соседа Зонова; нет сокурсников Корчемкина и Кочкина; нет нашего вятского знаменосца Победы Булатова, нет многих знакомых и верных старых товарищей.

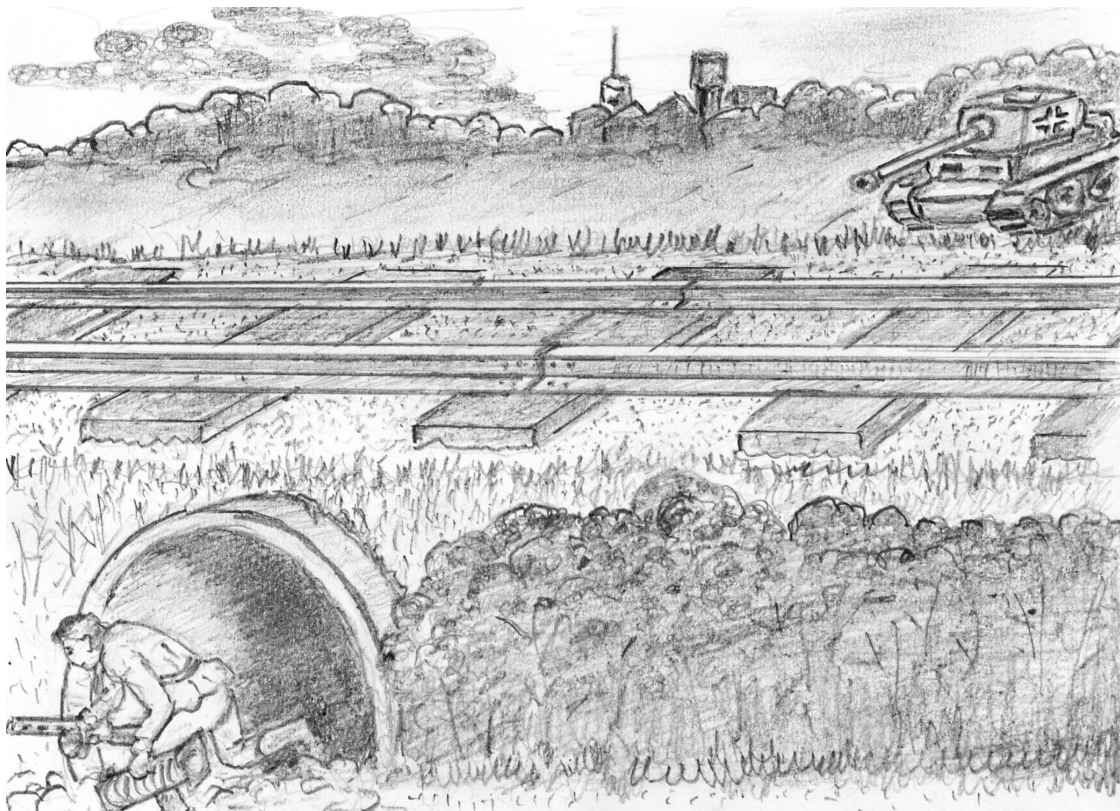
Поэтому, каждое воспоминание и даже самый малый незначительный эпизод их боевой биографии – бесценен. Воину, пережить мгновения, когда враг бил не просто по территории или армии вообще, а прицельно «в тебя любимого» тяжело и дорогого стоит! Но иногда ветерана удавалось разговорить.

Как-то, посмотрев вместе кинофильм «Баллада о солдате» режиссера Г. Чухрая, Леонид задумчиво сказал: что в этом фильме нет фальши, ему самому случилось пережить на войне нечто подобное.

Леониду в 1943 году было 18 лет и служил он радистом в артиллерийском дивизионе танковой армии генерала Рыбалко, которая участвовала в освобождении Украины.

«Городок Фастов нам пришлось брать с боями несколько раз. Возьмем, не успеем закрепиться, немец бросит свежие силы – отходим, ударим снова – немец бежит, оставляя свою технику. Бывало, заберешься в кабину немецкого грузовика с еще работающим мотором и чувствуешь еще теплое сидение водителя. Там, туманным утром тянул я связь, как вдруг оказался перед танком с крестом на броне. Танкист тоже заметил меня и направил свой танк на меня, видимо решив, просто задавить солдата. Я рванул бежать, танк за мной. Скрыться было вроде бы негде, но тут я увидел дренажную трубу под железной дорогой и нырнул туда, пробираясь на другую сторону высокой насыпи. Немец, видимо, со злости и досады шарахнул по трубе фугасным снарядом. Меня взрывной волной вынесло из трубы с другой стороны. Очнувшись, я почувствовал боль в боку. Все, думаю пропал. Мелькнули в сознании мои родители и моя короткая жизнь. Но, ощупав себя и не обнаружив травм, понял, что при падении больно ударился о свою же катушку с проводом. Подошли свои. Танк, урча мотором, ушел обратно в лес, оставив за собой облако противной гари».

Воевал Леонид до Победы и закончил войну в Праге. В Берлине побывал позже, видел Рейхстаг, побитые стены которого были сплошь исписаны автографами солдат. Сам расписываться он не стал – негде было, да и посчитал не этичным, ведь в этом бою он не участвовал.

75. Подруги

*Пускай нам с тобой обоим
Бедя грозит за бедою*

*Но дружба моя с тобою
Лишь вместе со мной умрет.
Л. Ошанин*

Это событие случилось за несколько лет раньше популярной ТВ передачи «Жди меня».

Две девочки Геля и Нина родились в один год в селе Красное и в детстве были неразлучны. Даже в суровые годы революции и гражданской войны их родители сумели создать им счастливое детство. Дети беззаботно резвились на прекрасной природе у реки Моломы, учились, с упоением читали книжки, забравшись куда-нибудь в густой кустарник или старый сарай, слушали музыку (в доме отца Нины – сельского учителя было пианино, и где все любили музицировать) и даже пытались танцевать в какой-то праздник, но споткнувшись, упали под общий смех гостей.

Потом судьба их резко изменилась, когда отца Гели – сельского священника репрессировали дом отобрали, а красавицу и первую ученицу Гелю исключили из школы. Она рыдала, глядя из окна церковной сторожки (где они поселились) на ребят, шагающих в школу. Нина помочь подруге была бессильна, могла лишь утешить. Потом добрые люди помогли Геле оформить удостоверение личности, и мать отослала ее с младшей сестренкой в Вятку. Устроиться на работу машинисткой Геля смогла лишь в пригородном колхозе «Красный Октябрь». Сестру она определила учиться в медицинское училище и устроила в общежитие.

Родители Нины переехали в Москву, а после войны туда же перебралась и Нина, поступив в архитектурный институт. Но связь Геля и Нина поддерживали постоянно и непременно раз в две недели писали друг другу письма в течение многих лет.

Геля дважды приезжала к Нине погостить в ее крохотную комнатку в деревянном доме при институте в Мытищах, где та работала и жила с мамой. Позже они смогли построить кооперативную однокомнатную квартиру.

Выйдя на пенсию, Нина отважилась и сама приехала к Геле в Вятку погостить. Подруги не могли наговориться, вспоминали детство, родных и знакомых.

Рассматривая альбом старых фотографий, Нина вдруг увидела фотографию Лёли – своей двоюродной сестры и их общей подруги. Геля сказала, что Лёля жила где-то в Слободском и работала вроде бы на фабрике «Белка», но точных сведений о ней больше не знала.

Нина вдруг загорелась: «Поехали ее искать!»

–«Да разве найдешь по имени и девичьей фамилии старушку в городе с сотней тысяч жителей, – усомнилась Геля. Но Нину уже «занесло» – поехали. Сели на автобус и через час были в Слободском. Решили начать поиски с фабрики «Белка».

В отделе кадров сидят бюрократы и едва ли помогут, пойдем в бухгалтерию, по опыту знаю, – сказала Нина.

Женщины в бухгалтерии, внимательно выслушав их, тоже озаботились и начали перебирать всех знакомых по имени Ольга, подходящих по возрасту и времени работы на фабрике. Постепенно круг «подозреваемых» сократился и замкнулся на одной Леле (девичью фамилию ее естественно никто не знал). Нина и Геля отправились по указанному адресу.

Екатерининская церковь в г. Слободском, 1699 г.

Ольги дома не оказалось. Подождали. Когда та появилась, в конце квартала подруги поспешили ей навстречу, но подойдя ближе увидели и поняли, что ошиблись – не она. Узнав в чем дело, Ольга сказала: – Я знаю кого вы ищите и фамилию ее девичью припоминаю. Это моя подруга и назвала ее адрес.

г. Слободской

Нина и Геля понеслись в другой конец города. Подойдя к двухэтажному дому типичной заводской постройки, они присели перевести дух. Вдруг опять не она?

Геля не выдержав, пошла вперед, поднялась на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице и вздохнув нажала на звонок с указанным номером двери. Скоро дверь отворила милостивая аккуратная старушка: «Вам кого?» Геля сразу поняла – она и сказала: «Вас, только подождите минутку, сейчас Вас ждет сюрприз».

По лестнице уже ковыляла Нина и, узнав сестру, загадочно улыбалась. Леля в растерянности ничего не понимала. Нина, достав картонку старой семейной фотографии, стала спрашивать:

– Это кто? А это?

– Это мама и папа, а это Мила, Светлана, Нина...

– Так что же ты не узнаешь? И Гелю не помнишь?

– Ах боже мой, Нина, Геля!

Слезы, объятия, поцелуи. Как писал А.С. Пушкин «читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку».

По приезду в Москву Нина неделю «сидела на телефоне», рассказывая всем своим родным и знакомым о своих необыкновенных приключениях в Вятке. Среди них были маститые тележурналисты и, возможно, этот эпизод послужил в последствии первопричиной возникновения популярной телепередачи «Жди меня».

76. Генерал

Герой небывалых событий

Свидетель крутых перемен

...

В. Семакин

В Вятке стало традицией, что в день праздника какого-нибудь рода войск, бывшие его военнослужащие, собираются на Театральной площади, шествуют к «Вечному огню», там возлагают цветы, а потом собираются в Александровском саду на высоком берегу реки Вятки. Там звучит духовой оркестр, прогуливаются с девушками подвыпившие молодые, недавно отслужившие парни, нацепив значки своих воинских наград и какой-нибудь атрибут своей воинской формы. Ветераны сидят на скамейках и живо беседуют между собой, вспоминая минувшие дни. Я не раз наблюдал, с какой ностальгией, теплотой и гордостью они рассказывают друг другу о событиях своей армейской биографии.

Мне из моей службы припоминается несколько встреч с одним из прославленных героев Великой Отечественной войны. Было это в 50-х годах, когда после окончания авиатехникума и военной школы, я служил в дивизионной авиаремонтной мастерской ВВС. Наша часть находилась под городом Новгородом рядом с аэродромом, где базировался бомбардировочный полк. Часть располагалась в четырех одноэтажных зданиях по специальностям: электрики, радисты, агрегатчики и самолетчики, имела склад ГСМ и гараж для специальных армейских автомобилей. Я был сержантом, а после ухода в академию лейтенанта Крылова, временно занимал должность командира подразделения электроприборного оборудования.

В нашем цехе работали шесть специалистов – молодых ребят срочной службы. Преисполненный значимости своей персоны, я очень старался и поддерживал в цехе образцовый порядок и дисциплину, задерживался допоздна, оформляя документы по ремонту авиатехники и составлял планы работ. Раз, после рабочего дня, в цех вошел незнакомый офицер в летной

куртке без видимых знаков различия, невысокого роста и плотного телосложения. Поздоровался. Я ответил привычным «здравия желаю», продолжая свои записи в рабочем журнале. Событие это было рядовым, так как в течение дня в цех постоянно заходили офицеры со своими проблемами по ремонту авиатехники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.